

БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА

Анализируются теоретические модели процесса взаимодействия культурных традиций, разрабатываемые на современном этапе развития кросс-культурных исследований. Статья написана на материале белорусско-польско-литовского пограничья.

Актуализация проблематики, связанной с исследованием пограничных регионов, предопределяется рядом факторов. Первый видится в повышенном риске конфликтности, обусловленном культурной гетерогенностью любого пограничного региона. Недавний трагический пример Балканских стран в этом отношении более чем показателен. Второй фактор связан с кросс-культурными взаимодействиями, которые на пограничье приобретают особенно динамичный и интенсивный характер и следствием которых становится формирование особого и в принципе малоизученного типа культуры.

Феномен пограничья не нов и существует столь долго, сколько существуют границы, вокруг которых он формируется. Однако статус исследовательского объекта пограничье и связанная с ним проблематика приобрели относительно недавно, в течение последних двух десятилетий. И, как это нередко случается, по мере вхождения пограничной тематики в исследовательское поле нарастает объем проблем методологического характера, прежде всего связанных с интерпретацией самой категории пограничья и установления ее концептуального статуса. За единодушным признанием важности и актуальности пограничных исследований обнаруживается достаточно широкий диапазон мнений относительно как границ самого объекта, так и его предметной области. В современном гуманитарном знании объем понятия “пограничье” варьируется от его отождествления с “приграничьем” (государственно-политическим) до предельно широкого истолкования как универсального феномена, пронизывающего все области человеческого бытия. Эти позиции замыкают атрибутивный ряд, в рамках которого фигурируют такие определения и характеристики пограничья, как цивилизационное, этническое, национальное, лингвистическое, психологическое, информационное, ментальное, “воображаемое” и др., причем за каждой из атрибуций явно или неявно просматривается возможность соответствующей интерпретации данного феномена и его исследовательского проекта.

Принимая во внимание новизну проблематики, связанной с пограничьем, и не исключая в принципе возможности плюралистичности подходов к самому понятию пограничья, следует иметь в виду, что любой из правомерных подходов нуждается в соответствующей концептуализации и методологическом обосновании. В этой связи предметом настоящей статьи являются теоретический анализ феномена этнокультурного пограничья и обоснование адекватной методологии его культурологического исследования применительно к конкретному объекту, каковым в данном случае является белорусско-польско-литовское пограничье.

Исследовательский интерес к белорусско-польско-литовскому пограничью как к определенному исторически сложившемуся топосу, локализованному в географическом центре Европы и прочерченному изнутри политическими границами Беларуси, Польши и Литвы, не случаен. Глобальные тенденции кросс-культурного взаимодействия приобретают здесь свое концентрированное, рельефное выражение, что позволяет усматривать в данном регионе своеобразную “лабораторию”, в которой эти тенденции поддаются как теоретическому анализу, так и верификации на материалах полевых исследований.

В центре внимания польских исследователей находятся проблемы методологии этнокультурного пограничья, в частности критерии и типология пограничных регионов, специфика самоидентификации большинства и меньшинства (прежде всего белорусского в Восточной Польше и польского в Западной Беларуси) в ситуации культурной гетерогенности (А.Садовский, В.Павлючук, М.Чернявска, Е.Чиквин, Э.Смулкова, А.Энгелькинг, И.Кабзинбска) [4; 5; 9; 10; 11; 12; 13]. С 1992 г. в Белостокском университете, ведущем центре пограничных исследований в Польше, выходит специализированное тематическое издание “Pogranicze” (“Пограничье”).

Что касается вклада литовской стороны в исследование пограничной проблематики, то он связан, главным образом, с обоснованием “стратегий аккультурации” меньшинств (русских, поляков, локализованных преимущественно в ареале литовско-белорусского пограничья и сохраняющих выраженные, эксплицированные этнокультурные отличительные черты) в общественно-политическую и культурную жизнь литовского общества (Н.Касаткина, И.Сутинене и др.) [6; 7; 14], а также с изучением литовской диаспоры Беларуси в ситуации белорусско-литовского пограничья [8].

Белорусский ареал белорусско-польско-литовского пограничья, будучи зоной исторического взаимодействия различных этносов (белорусского, польского, литовского, русского, еврейского и др.), имеет свои специфические особенности. В регионе выражена тенденция к культурно-языковой гомогенизации при сохранении идентичностей составляющих его общностей. В этих условиях актуализируются проблемы идентичности конкретных этносов региона (У.Розенфельд, Т.Кручковский, Н.Беспамятных), этнических границ (В.Русецкая), культурного плюрализма, школы и образования (С.Яцкевич), важные для понимания механизмов их самовоспроизводства и находящиеся в центре внимания белорусских исследователей [15]. В последнее время, наряду с традиционно философско-социологическим подходом к проблеме пограничья, предприняты шаги в направлении разработки его постмодернистской парадигмы (Н.Антонович, В.Акудович, В.Бобков, П.Терешкович, О.Шпарага, Ю.Гафарова и др.), в значительной мере инспирированные идеями Вальтера Миньоло и отрефлектированные на страницах журнала “Перекрестки” и других изданий [18].

Очевидно, что уже в процессе первичного определения объектной области пограничных исследований возникает проблема методологического характера, связанная с обозначением внешних границ белорусско-польско-литовского пограничья. В самом деле о чем идет речь: о *едином топосе*, включающем Восточное пограничье Польши, Вильнюсский край Литвы (в аутентичной терминологии, принятой в этих странах) и Северо-Западный регион Беларуси, либо о *трех сопредельных топосах*, разделяемых (метафора “стены”) и соединяемых (метафора “моста”) соответствующими политическими границами? Во втором случае каждый из топосов выступает в качестве самостоятельного исследовательского объекта. Иными словами, проблема заключается в установлении *уровней таксономической иерархии пограничья*.

Одна из наиболее удачных и продуктивных теоретических концепций пограничного региона принадлежит А.Садовскому, который вводит три параметра его анализа. Во-первых, это пространство, на котором исторически сосуществуют две или большее число этнокультурных групп. В этом аспекте этнокультурное пограничье представляет собой феномен большей устойчивости, нежели межгосударственное пограничье, хотя они между собой, безусловно, связаны. Во-вторых, понятие пограничья связано с различными формами сосуществования двух или большего числа этнокультурных групп. Подобное сосуществование характерно не только для пограничья, но именно там оно наиболее выражено и имеет устойчивые формы. В-третьих, категория пограничья связана с особым типом человека, которого определяет принадлежность к нескольким культурам [11, с. 5–6].

В рамках такого подхода достаточно четко просматриваются структурный и динамический аспекты анализа феномена пограничья. Пограничье представляет собой специфический социокультурный феномен, который, будучи целостным образованием, является вместе с тем структурированным и дифференцированным. Внутренняя дифференциация пограничья этимологически и содержательно связана с понятием границы. Образующие пограничье общности, в свою очередь, обладают внутренней устойчивостью, основания и критерии которой возможно теоретически осмыслить в контексте понятия идентичности. Будучи взаимосвязанными и выражая структурную целостность пограничья как дихотомию дифференциации / интеграции, понятия границы и идентичности являются базовыми для исследования его структуры.

Находясь в географическом центре Европы, белорусско-польско-литовское пограничье представляет собой топос, где наблюдаются размежевание и одновременно сосуществование и взаимодействие политических, этнокультурных и конфессиональных общностей. В принципе

можно говорить о том, что здесь сходятся несколько типов границ. Первый тип – геополитические границы между Востоком и Западом. Второй тип – политические границы трех государств – Польши, Литвы и Беларуси. Третий тип – этнические границы, разделяющие славянский и балтский этнокультурные массивы, а внутри славянского – польский и белорусский этносы с семитскими (евреи) и тюркскими (татары) анклавами. Четвертый тип – конфессиональные границы (католицизм и православие). Правомерно вычленение границ и иных таксономических уровней: демаркационных, топонимических, ландшафтных, нормативно-стилевых, антропонимических, хроносных (связанных с типами календаря), языковых, геральдических. Взаимное наложение этих границ, равно как их историческое переплетение с социальными и сословными границами (польский поветовый город, еврейское торгово-ремесленное местечко, белорусская деревня до конца XIX в.), предопределяет довольно сложную и неоднозначную этнокультурную ситуацию в данном регионе.

Динамический аспект исследования пограничья связан с выявлением механизмов взаимодействия образующих его общностей. Именно эти механизмы и являются предметом кросс-культурного анализа. Исследования межкультурных взаимодействий, или кросс-культурные исследования, имеют солидный стаж и основываются на достаточно разработанной *методологии кросс-культурного анализа*. Несмотря на это обстоятельство, сама область кросс-культурных исследований, их предметное содержание и методологические принципы имеют довольно широкий диапазон интерпретаций, что требует во избежание недоразумений четкой артикуляции исходных теоретических принципов того, что понимается под методологией кросс-культурного анализа, а также возможностей и границ его экстраполяции в отношении исследуемого объекта, т. е. белорусско-польско-литовского пограничья.

Содержание метода кросс-культурного анализа, по определению его теоретиков, заключается, во-первых, “в сравнении двух или большего числа существенно различающихся фактов” различных культур, во-вторых, “в определении влияния культурных условий на поведение” [1, с. 2, 14]. Иными словами, кросс-культурный анализ основан на применении компаративистского метода к сфере культурной вариативности, и в этом качестве он является одним из ведущих исследовательских направлений в современной культурной антропологии и кросс-культурной психологии, которая “стремится установить систематическую зависимость между культурными и поведенческими переменными. Таким образом, задача заключается в понимании того, как две системы, на уровне группового и межличностного анализа, соотносятся одна с другой” [1, с. 5]. Различные культуры и их паттерны в качестве объекта кросс-культурных исследований могут носить как дистантный характер, так и находиться в непосредственном контакте. И в этом случае кросс-культурные исследования интересуют те изменения, которые происходят в различных культурах в результате межкультурных контактов. Примером могут служить исследования “кросс-культурных встреч” Р.Брислина, “стресс-аккультурации” Дж.Берри [2; 3] и т.д. В этом аспекте методология кросс-культурного анализа фактически является предпосылкой и основой исследования межкультурных взаимодействий как таковых, в том числе и в пограничном регионе, где возможность, частота и интенсивность таких взаимодействий гораздо более высоки, нежели в культурно гомогенной среде.

Моделирование кросс-культурных процессов и возможная экстраполяция его результатов на белорусско-польско-литовское пограничье могут быть представлены как определенный континуум, замкнутый двумя достаточно противоположными (хотя и не взаимоисключающими полностью) “идеальными” формами, нашедшими теоретическое обоснование в концепциях *культурного плюрализма и плавильного котла*. Каждая из этих концепций отражает определенное состояние и тенденции межэтнических и межкультурных взаимоотношений. Разумеется, реальная ситуация межкультурного взаимодействия, особенно в таком регионе, как Гродненская область, едва ли может быть однозначно подведена под какую-то определенную модель. Скорее, правомерно вести речь о тенденциях, которые приближают реальную ситуацию к одному из двух противоположных типов взаимоотношений.

Тенденция в направлении образования *плавильного котла* проходит ряд этапов (культурная ассимиляция, или аккультурация; структурная ассимиляция, или интеграция; амальгамация; постепенное размывание идентичности подвергшихся амальгамации групп). Ее итогом становится *формирование новой идентичности* как наиболее значимого критерия ситуации *плавильного*

котла. Статистические материалы, как и данные социологических исследований, верифицируют наличие и глубокий характер ассимиляционных процессов, результатом которых является формирование множественности этнокультурных типов региона при сохранении идентичности его основных этносов. Применительно к белорусскому этносу правомерно вести речь о русскоязычных и белорусоязычных белорусах, белорусах-билингвах, белорусах православных и католиках и т.д. Не менее интересна и сложна внутренняя дифференциация русского этноса, который в ареале белорусско-польско-литовского пограничья также является объектом ассимиляционных процессов, не превращаясь при этом, как в других постсоветских странах, в этнокультурное меньшинство. Достаточно указать на то, что 11,8% русских Гродненской области назвали родным языком белорусский (в сельской местности этот показатель составляет 22,1%), а дома по-белорусски разговаривают от 4,9% русских горожан до 28% русских сельских жителей. Наблюдается, хотя и незначительная, инверсия аккультурации русских (и русскоязычных белорусов), т. е. осознанное присвоение ими ценностей и норм белорусской культуры, и прежде всего языка. Не менее интересен феномен русских католиков.

Таким образом, этнокультурная ситуация в регионе белорусско-польско-литовского пограничья предстает в определенной системе пространственно-временных координат как своего рода континуум, сочетающий в себе такие параметры, как целостность, полиструктурность, структурное и функциональное самовоспроизводство в истории, относительно автономное существование в условиях исторической изменчивости политических границ. Вместе с тем динамика происходящих в нем процессов свидетельствует о множественности и иерархичности “культурных центров” региона и их непрерывном взаимодействии, что открывает возможность его дальнейшего исследования как неравновесной системы в категориях синергетического подхода [16].

1. *Berry, J.W.* Introduction to Methodology / J.W.Berry // Handbook of Cross-Cultural Psychology. Vol. 2. Methodology / ed. By H.Triandis, J.Berry. – Toronto: Allyn & Bacon, Inc., 1980.
2. *Berry, J.W.* Immigration, Acculturation and Adaptation / J.W.Berry. – Ontario: Sage Halsted, 1996.
3. *Brislin, R.W.* Cross-cultural encounters: Face-to-face interaction / R.W.Brislin. – New York: Pergamon Press, 1980.
4. *Czykwin, E.* Białoruska mniejszość narodowa jako grupa stygmatyzowana / E.Czykwin. – Białystok: Trans humana, 2000.
5. *Kabzińska, I.* Swoi, obcy, inni jako kategorie podziału społeczności lokalnych. Kto jest Polakiem na Białorusi / I.Kabzińska // Magazyn Polski. – 1992. – № 3–4 (24–25), 1 (26).
6. *Kasatkina, N.* “Istorinės” diasporos šiuolaikinėje Lietuvos visuomenėje / N.Kasatkina // Filosofija. Sociologija. – 2003. – № 2.
7. *Kasatkina, N.* Rusai Lietuvos valstybėje: etninio identiteto istorinė perspektyva / N.Kasatkina // Paribio Lietuva: Sociologinė Paribio gyventojų integravimosi į Lietuvos valstybę apybraiža. – Vilnius, 1996.
8. *Lydos krašto lietuviai: monografija, 2 tomai, red. komis. N. Velius (pirm.) ir kt.* – Kaunas: Poligrafija ir informatika, 2002.
9. *Sadowski, A.* Narody wielkie i małe: Białorusini w Polsce / A.Sadowski. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1991.
10. *Sadowski, A.* Pogranicze Polsko-Białoruskie: tożsamość mieszkańców / A.Sadowski. – Białystok: Trans humana, 1995.
11. *Sadowski, A.* Pogranicze. Zarys problematyki / A.Sadowski // Pogranicze: Studia Społeczne. – Białystok, 1992.
12. *Sadowski, A.* Tożsamość Polaków na pograniczach / A.Sadowski, M.Czerniawska. – Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 1999.
13. *Smułkowa, E.* Białoruś i pogranicza. Studia o języku i społeczeństwie / E.Smułkowa. – Warszawa, 2002.
14. *Sutiniene, I.* Historical Consciousness of Lithuanian Borderlands and their Integration / I.Sutiniene // Changes of identity in modern Lithuania / ed. M.Taljanaite. – Vilnius: Lithuanian Institute of Philosophy and Sociology, 1996.
15. *Беспамятных, Н.Н.* Белорусско-польско-литовское пограничье: взгляд с белорусской стороны / Н.Н.Беспамятных // Регионализм как культурная альтернатива глобализации: сб. науч. статей / Regionalizmas kaip kultūrinė alternatyva globalizacijai: Mokslinių straipsnių rinkinys / red. Vaclovas Bagdonavičius. – Гродно / Gardinas: ГрГУ / GVU, 2005.

16. *Можейко, М.А.* Становление нелинейных динамик в современной культуре: сравнительный анализ синергетической и постмодернистской парадигм / М.А.Можейко. – Смоленск: Смоленск. гос. пед. ун-т, 2004.

17. *Население Республики Беларусь: статистический сборник.* – Мн., 2000.

18. *После империи: исследования восточноевропейского Пограничья: сб. статей / под ред. И.Бобкова, С.Наумовой, П.Терешковича.* – Вильнюс: ENU-international, 2005.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ